

MEMORIA

А.М. Жаров

Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023)

Жаров Александр Михайлович – магистр философии, аспирант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

В представленной статье приводится обзор творческого наследия Александра Леонидовича Никифорова, предпринимается попытка осмыслить его в некотором целостном виде. Основная цель автора данной статьи – экспозиция воззрений философа по ключевым теоретическим вопросам. Каждый раздел статьи основывается на опорном материале, наиболее удачно, по мнению автора, демонстрирующие позицию А.Л. Никифорова по разбираемому вопросу. В частности, представлены его взгляды на природу философского знания и проблему соотношения философии и науки. Разбирается его критика традиционной семантической теории, определяющей значение слова через единичный референт в физическом мире, а также предложенная им концепция имени собственного как общего знака, несущего информативную и коммуникативную функции: знак представляет из себя сложную структуру, состоящую из физического, культурного и личностного пластов. Раскрываются представления А.Л. Никифорова об историческом развитии науки и в целом о будущем развитии человечества. Очерчиваются контуры политических размышлений А.Л. Никифорова — его критики либеральной идеологии за редукцию человеческих потребностей и абстрактное представление об индивиду. Никифоров обращает особое внимание на важность сохранения исторической памяти и необходимость противодействия деструктивным тенденциям в этой области. Особое внимание уделяется его точке зрения на методологию гуманитарных наук, которые по самой своей природе отличаются ориентацией на вторичную интерпретацию и субъективность. Рассматриваются его критика «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна и размышления над проблемой смысла жизни, который он видит в творческой самореализации человека.

Ключевые слова: А.Л. Никифоров, научное знание, метафилософия, смысл жизни, семантическая теория

Для цитирования: Жаров А.М. Жизнь как поиск. Памяти Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 37–53.

Научная работа Александра Леонидовича Никифорова (1940–2023) была насыщена интенсивным общением с коллегами: его разнообразные интересы позволяли ему активно участвовать в самых разных панельных дискуссиях, круглых столах. Особо ценны его многочисленные работы, отличающиеся критическим духом, который особенно проявлялся при рассмотрении взглядов авторитетов (будь то

К. Поппер, Л. Витгенштейн, Э. Геттиер или В.С. Стёпин) предельной чёткостью изложения и аргументированностью. При этом он никогда не стыдился признавать ограниченность своей компетенции в анализе разбираемого им вопроса. Стиль А.Л. Никифорова отличается лаконичностью, отсутствием обильных ссылок на авторитеты, сознательным «уклонением» от цитатного начётничества. Уже начиная с кандидатской диссертации, в его работах неизменно читалось желание заниматься самыми важными, серьёзными вещами – вопросами истины, творчества, смысла жизни, природы знания, добра и зла. Своим мировоззренческим взглядам А.Л. Никифоров был верен на протяжении всей жизни. Заметно, что в своих работах он регулярно возвращался к основным волнующим его вопросам, на протяжении всей своей творческой карьеры продолжая искать и уточнять ответы на них.

В данной работе мы попытаемся реконструировать ключевые элементы творческого наследия А.Л. Никифорова, концентрируясь именно на его исследовательских работах, наиболее явно, с нашей точки зрения, выражающих основные аспекты его мировоззрения и философской позиции. Вне нашего внимания, таким образом, остались многочисленные переводы, сами по себе заслуживающие отдельного обзора. Также не затрагиваются работы по логике, обзоры и рецензии. Последние занимают значительную долю работ А.Л. Никифорова, поскольку в его философствовании всегда было много диалогичности – попыток откликнуться (в том числе критически) как на идеи философов прошлого, так и на современную ему мысль. Здесь, однако, критика представлена лишь одной статьёй о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, наиболее ярко, по нашему мнению, передающей специфику аргументации и критической позиции Александра Леонидовича.

С нашей точки зрения, основными областями теоретических интересов А.Л. Никифорова были: метафилософия; эпистемология; проблематика, связанная с научно-техническим прогрессом и общественным развитием; проблема исторической памяти и тема смысла жизни – им и будут посвящены основные разделы данной статьи, не претендующей на то, чтобы быть исчерпывающим аналитическим обзором творческого наследия Александра Леонидовича, но представляющей собой первую попытку осмысления этого наследия в некотором целостном виде. При этом в каждом подразделе статьи мы будем основываться на некотором опорном материале, который кажется нам наиболее репрезентативным для демонстрации позиции А.Л. Никифорова по разбираемому вопросу.

1. Метафилософия¹

Прежде чем погрузиться в различные рассуждения по философской проблематике, было бы логично обозначить отношение мыслителя к самой философии, к специфике и природе философского знания, к его значению для человека и культуры.

Ещё в советские годы А.Л. Никифоров критиковал марксистскую философию за то, что она выдаёт себя за науку, подобную физике или химии, отмечая при этом, что великие философы, оставившие след в истории, не стеснялись подчёркивать именно личный, субъективный момент в своих взглядах. Он подмечал, что марксистско-ленинская философия, основанная на понимании природы философского знания как сугубо объективного, совсем не развивается, поскольку все основные законы уже «открыты», а в таком случае философам остается заниматься только их популяризацией.

Сам же А.Л. Никифоров полагал, что философия никогда не была наукой, и выражал надежду, что никогда ею и не станет. Некоторые свойства науки, по его

---

¹ Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.

мнению, отсутствуют у философии, а это значит, что философия и наука не тождественны. К таковым различиям, в частности, можно отнести следующие:

(1) научные данные можно экспериментально как верифицировать, так и фальсифицировать, чего нельзя сказать о философских концепциях;

(2) в науке существует парадигма – господствующая в научном сообществе система концепций. В философии же не может быть парадигмы, так как нет единого философского сообщества;

(3) философия и наука характеризуются несовпадением методологии;

(4) наука стремится к поиску объективного решения общезначимых проблем, в философии же решения этих проблем получают субъективное преломление;

(5) в научных дисциплинах существуют свои фиксированные описательные языки, в то время как каждый философ вкладывает в используемые им понятия свой смысл;

(6) наука развивается, отбрасывая опровергнутые концепции прошлого; философия же никогда ни от чего не отказывается – идеи мыслителей прошлого сохраняют актуальность;

(7) научное понимание истины неприменимо к верификации философского знания;

(8) как правило, философские учения и не претендуют на описание реальности, а представляют собой замкнутые системы, дедуцированные из набора аксиом.

Однако всё описанное выше не принижает, с точки зрения А.Л. Никифорова, роль философии. Он возлагает на неё фундаментальную миссию формирования мировоззрения, полагая, что философское знание тем самым выполняет важнейшую социальную функцию.

Философия как противоречивое единство²

По мнению А.Л. Никифорова, на протяжении всей своей истории философия стремится быть не только наукой, но и художественной литературой. Это позволяет ему выделить два типа философствования: рациональное и литературное.

Для рационального философа язык оказывается лишь средством, целью же является сама мысль и её адекватное выражение. В таком философствовании всегда можно найти то конкретное положение, которое автор пытается выразить и обосновать. При этом философ подобного типа убеждает, а не внушает, в силу чего его мысль легко подвергается критике.

Философу же литературного типа важен сам язык, форма текста, художественные образы. Он общается с читателем намёками. Отдельно взятые предложения и положения на первый взгляд могут быть лишены смысла, и только их связь в едином тексте что-то передаёт аудитории. Мыслитель подобного типа не обосновывает мысль, а как бы внушает её. Характерной чертой рецепции такого литературно-философского творчества является невозможность критики как таковой.

Однозначно склоняясь к рациональному философствованию, А.Л. Никифоров тем не менее признаёт право на существование за обоими типами философии, отмечая в каждом из них как позитивные, так и негативные стороны. Однако в последнее время, по его замечанию, всё большую популярность набирает то, что он сам называет «синтаксическим» типом философствования, представляющее собой не философствование как таковое, но «псевдолитературную болтовню», синтаксическое соединение слов, лишённое как смысла, так и литературного вкуса. Эта позиция приводила его к мрачным сетованиям о возможной в скором будущем смерти философии.

² Никифоров А.Л. Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество. № 4. 2010. С. 265-276.

Аналитическое направление – философия, утратившая свои истоки³

Характерный для А.Л. Никифорова интерес к вопросу о судьбах философского знания и перспективах философии не мог не обратить его внимания на аналитическую философскую традицию, к которой, несмотря на её популярность, он был настроен достаточно критически и скептически. Хотя ранние аналитики старались свести философию к анализу языка, избегая мировоззренческих вопросов, они, по мнению А.Л. Никифорова, не смогли в итоге обойтись без мировоззренческих утверждений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются, с его точки зрения, чрезвычайно скудными. Видя основания знания в чистом чувственном опыте, ранние аналитики не замечали, что сам опыт превращается в абстракцию, что действительный опыт конституируется языком, что чувственный опыт каждого субъекта специфичен и уникален.

В оценках судеб аналитической философии А.Л. Никифоров резко расходится с достаточно распространённым мнением, отдающим этой традиции приоритет: с его точки зрения, со смертью логического позитивизма в 1960-х гг. деградировала и аналитическая философия. Из анализа научного знания и языка она выродилась в лингвистику, изучающую обывательский язык, утратившую связь с философией и переставшую, строго говоря, быть таковой, превратившись в стиль рассмотрения тех или иных теоретических проблем, главной целью которого оказываются уже не сами проблемы, а изобретение всё новых аргументов в поддержку той или иной позиции. Это привело его к радикальному выводу об отсутствии в аналитической традиции действительно философского знания, поскольку для последнего необходимы те или иные онтологические допущения. Как следствие, аналитическая философия в его оценке превратилась в схоластическую критику, перестав быть собственно философствованием.

2. Эпистемология⁴

Работы А.Л. Никифорова, посвящённые проблеме формирования человеком представления об окружающем мире, изучению того, каким образом элементарные механизмы этого процесса проявляют себя в научной практике и что из себя представляет знание как таковое, позволяют, с нашей точки зрения, раскрыть развиваемую им своеобразную «феноменологию».

Примечательным и концептуально значимым для неё оказывается обращение к критике В.И. Лениным философии Э. Маха. Александр Леонидович не только защищал позицию последнего, но помимо прочего предпринимал и попытку несколько сблизить и примирить двух мыслителей, указывая, что действительная точка зрения В.И. Ленина заключалась в утверждении того, что мир дан нам в ощущениях, а не в констатации – как это часто ошибочно вычитывают – возможности непосредственного ощущения реальности.

Стремясь развить учение Маха, Никифоров разрабатывал структуру его «элементов мира», хотя сам австрийский физик и философ полагал их неразложимыми. Ощущение есть интерпретация воздействия на наши органы чувств. Это создание

³ Никифоров А.Л. Является ли «аналитическая философия» философией? // Философские науки. 2020. № 8. С. 7–21.

⁴ Никифоров А.Л. «Вечная» проблема философии // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М., 2013. С. 340–343; Никифоров А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 76–83. Никифоров А.Л. Язык и картина мира // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 19–27.

чувственного образа, который не тождественен внешнему воздействию: так, ощущение горечи не подразумевает, что сам объект внешнего мира горький. Воображение и память дополняют этот чувственный образ различными связями, чертами, свойственными ему в других ситуациях и контекстах. Последним структурным компонентом «элемента мира» оказывается языковая составляющая, также выступающая формой интерпретации, при которой за явлением закрепляется определённое слово или высказывание. Таким образом, «элементы мира» состоят из внешнего воздействия, его интерпретации в ощущениях и вербальной интерпретации.

В дальнейшем на основе описанного выше развития махистских онтологии и эпистемологии А.Л. Никифоров сформулировал своё собственное представление о научном факте: он представляется сложной сущностью, состоящей из эмпирического базиса, теоретической нагрузки и языковой составляющей. Иными словами, факт есть комплексное явление, состоящее как из действительного положения дел, так и из его адекватного описания.

Критика семантики Г. Фреге⁵

Важное значение для позиции А.Л. Никифорова имеет критика семантической теории языка, заложенной ещё Г. Фреге, но с момента появления не продвинувшейся, по его мнению, в своём развитии. Данная теория видит функцию языка только в обозначении внешнего референта: каждая языковая единица, слово или предложение играют роль имени, ярлыка для какого-либо одного конкретного объекта внешней реальности.

Никифоров обращает внимание на ряд трудностей, возникающих при таком подходе. В естественном языке активно используются пустые имена, которые не имеют референта в физическом мире, однако законы логики при этом не нарушаются. Вследствие того, что мы, используя естественный язык, спокойно рассуждаем о несуществующих объектах, Никифоров допускает возможность дискуссий на метафизические темы об истине, красоте, благе и прочих подобных «пустых именах».

К тому же, даже реально существующие референты имён нередко чрезвычайно расплывчаты. Так, с понятием «Сталинградская битва» связана масса явлений, и разные историки склонны по-разному включать или не включать их в данное понятие. Даже простое имя, обозначающее один физический объект (например, конкретный человек) распадается на бесконечное множество временных контекстов и личных оптик разных наблюдателей.

Провозглашённый Р. Карнапом принцип взаимозаменяемости не работает, с точки зрения А.Л. Никифорова, в косвенном и модальном контекстах. Замена одного термина синонимом, обозначающим тот же предмет, меняет истинностное значение предложения. Точно так же и простые утверждения тождества вынуждают Фреге вносить в свою теорию понятие смысла, т.к. синонимичные слова не тождественны абсолютно и играют роль не только обозначения, но и выражения смысла о референте. Стоит учитывать, по мнению А.Л. Никифорова, и то обстоятельство, что предложения не обязательно выполняют лишь функцию имён, но также – функции описания и даже действия. Если заменить истинные составляющие предложения на совершенно другие, но тоже истинные, то предложение потеряет свой смысл даже при сохранении истинности, соответствия своему референту.

⁵ Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных // *Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки*. 2012. № 2. С. 50–58; Никифоров А.Л. О некоторых проблемах логической семантики // *Эпистемология и философия науки*. № 2. 2011. С. 97–109; Никифоров А.Л. Можно ли говорить о трансцендентном? // *Эпистемология и философия науки*. 2016. № 4. С. 98–101.

Принцип взаимозаменяемости нашёл себе опору, как известно, в дефляционной теории истины. А.Л. Никифоров, однако, настаивает на её ошибочности. Если истинностная оценка ничего не добавляет к знанию, тогда почему же к ней всё равно прибегают (в том числе и сторонники данной теории)? Даже если истинностная оценка ничего не добавляет к содержанию предложения, а нравственная оценка ничего не добавляет к поступку, на практике мы всё равно предпочитаем утверждать, что «снег белый», а дурные поступки не одобряем.

Таким образом, смысл слова не исчерпывается одним указанием на объект: помимо обозначения, язык выполняет коммуникативную и когнитивную функции. Коммуникация возможна благодаря тому, что имена собственные имеют определённое смысловое ядро, предельно общее, бедное и абстрактное, но разделяемое всеми людьми. В реальной практике языка нет никаких единичных терминов или имён собственных, которым соответствует один конкретный предмет, – все слова являются общими или пустыми, т.е. естественный язык задаёт онтологию идеализированных абстрактных объектов. Имена не являются и чистыми ярлыками, т.к. несут информацию об объекте: то или иное имя сразу вызывает в мышлении конкретного человека ассоциации и определения объекта. В этом язык выполняет информативную, или когнитивную функцию.

А.Л. Никифоров предлагает трёхслойную структуру смысла слова. Первый слой задаётся повседневной практикой и содержит в себе знание, которое является общим для всех языков и народов мира, т.к. мы живём в одном мире. Например, пространственные, физические и биологические характеристики предмета. Второй слой образует коннотации, свойственные только конкретному культурному контексту – например, символы и мифы. Третий слой подразумевает личностный смысл, субъективное отношение к вещам, личные ассоциации. Именно такая модель семантики, по его мнению, способна решить проблемы с путанными именами и косвенными контекстами.

Знание как объект познания⁶

Важную для понимания общей позиции А.Л. Никифорова статью «Анализ понятия “знание”: подходы и проблемы» автор начинает с приведения наиболее признаваемого определения знания: знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений.

Далее он критически обращается к знаменитой проблеме Э. Геттиера. Последний подверг критике распространённое представление о знании как об истинном и обоснованном мнении и привел примеры, когда такое мнение не может быть признано в качестве знания. Например, Смит узнал от главы компании, что Джонс займёт новую должность. Также он точно знает, что у Джона в кармане десять монет. Из данных посылок он выводит силлогизм: должность получит человек с десятью монетами в кармане. Однако должность получает сам Смит, и у него самого в кармане тоже неожиданно оказывается именно 10 монет. В итоге выведенный силлогизм кажется логически истинным и обоснованным, но не является знанием как таковым. А.Л. Никифоров обвиняет Геттиера в софистике и подмене понятия знания субъективной установкой. С его точки зрения, Геттиер исходит из ложных посылок, ошибочно отождествляя отношение логического следования и материальной импликации, путая строгую дизъюнкцию с нестрогой. Убеждённость в чём-либо (а именно из такого понимания знания исходит Геттиер, с точки зрения А.Л. Никифорова) есть состояние психики. Речь, таким образом, идёт не о знании в гносеологическом смысле, а об отношении к знанию. Иными словами, в данном случае

⁶ Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. № 3. 2009. С. 61–63.

можно говорить о разнообразных словоупотреблениях глагола «знать», но то, в каком психическом состоянии субъект находится по отношению к знанию, не имеет никакого отношения к знанию как таковому.

Знание принципиально отлично от верований и мнений: верования не требуют обоснования, и никакие контраргументы не могут их поколебать; мнение же осознаётся как своё личное, субъективное предпочтение и никому не навязывается. Оно интерсубъективно, а потому требует обоснования и может быть обосновано. По причине своей интерсубъективности знание должно иметь соответствующую форму выражения, т.е. должно быть выражено в языке через повествовательные, описательные предложения. Знание отличается и тем, что оно есть результат целенаправленных усилий, который возможно проверить. Таким образом, А.Л. Никифоров утверждает, что знание – это результат познания, выраженный проверенным обоснованным предложением. Подобные предложения мы оцениваем как истинные в контексте отношения знания к внешнему миру, и именно в вопросе истинности, отношения ко внешнему миру, имеют смысл его обоснованность и проверка.

Новый вариант семантической концепции понимания⁷

Важной задачей А.Л. Никифоров считал разработку концепции понимания, одинаково применимой как в гуманитарных, так и в естественных науках, т.к. понимание используется только в контексте человеческой практики и всего, что произвел человек, и в этом смысле едино.

Понимание всегда подразумевает интерпретацию до этого не проинтерпретированного материала. «Понять» подразумевает два разных акта: усвоить вложенное смысловое содержание или же наделить смыслом материал, лишённый его. При этом данный процесс всегда сопровождается задачей согласования усваиваемого или вкладываемого смысла со всем остальным контекстом. Причём по крайней мере при интерпретации художественного произведения неважным оказывается её соответствие авторской интерпретации. Главное – её легитимность и соответствие с другими элементами произведения.

Одним из ключевых оказывается у А.Л. Никифорова здесь понятие «индивидуального смыслового контекста» – системы взаимосвязанных смысловых единиц, содержание которых зависит от их места в контексте, в связи с остальными единицами и непосредственно с индивидуальным Я, которое оценочно относится к каждой единице и определяет степень её значения. Само множество смысловых единиц составляется из языка, чувственных впечатлений, наглядных и абстрактных образов, формируя системы знаний, верований, морально-этических норм и т.д. Интерпретация явлений внешнего мира происходит путём встраивания их в этот контекст, через соотнесение с уже имеющимися смысловыми единицами.

Различие в интерпретациях обусловлено именно тем, что каждый человек обладает уникальным индивидуальным смысловым контекстом. Но это не делает межличностную коммуникацию невозможной: благодаря тому, что мы живём в одном материальном мире и наши жизненные феноменальные миры в общем и целом схожи, смысловые контексты отличаются не настолько значительно, чтобы коммуникация была неосуществима.

Помимо индивидуального, существует и социальный контекст. Каждое выражение языка или выражаемый предмет связаны со множеством других выражений и предметов. Это закреплено в учебниках, энциклопедиях, традициях, практиках, правилах, художественных произведениях и т.д. Социальный смысл какого-либо

⁷ Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Общ. ред. А.А. Яковлева М., 1991. С. 72–94.

слова есть совокупность его связей с другими единицами социального контекста, образующих набор его характеристик. Овладевая культурой, человек привносит в усвоенное своё личное отношение, индивидуальные характеристики, образуя индивидуальный смысловой контекст и создавая новую смысловую единицу.

Таким образом, взаимопонимание индивидов происходит на уровне их индивидуальных контекстов. Чем более они схожи друг с другом, тем больше индивиды друг друга понимают, однако это совпадение индивидуальных контекстов всегда только частично и не может быть полным.

Диалектика свободы и рациональности⁸

Другой немаловажной темой для А.Л. Никифорова была тема соотношения свободы и рациональности – точнее говоря, рациональной и свободной деятельности. Первая имеет чёткую цель, в соответствии с (не)достижением которой и определяется (не)рациональность деятельности. Иными словами, деятельность может быть рациональной относительно задачи достижения некоей цели, а также в зависимости от соответствия деятельности исходным условиям ситуации. Однако нет необходимости дожидаться окончания деятельности, чтобы оценить её рациональность. Последняя может оцениваться и по разумности деятельности, под которой Никифоров понимает её соответствие устоявшимся стандартам, правилам и нормам – законам разума, сформированным с опорой на прошлый опыт и образующим стандарт рациональности.

Рациональная деятельность объективно соответствует цели и ситуации, она непосредственно связана с объективной истиной. Следует отметить при этом, что Никифоров придерживается корреспондентской теории истины, которая для него по определению является объективной, в силу своей зависимости не от субъекта, а от окружающего мира. А значит, подобная деятельность не зависит от особенностей субъекта: его можно заменить, но направление деятельности останется тем же, поскольку рациональная деятельность детерминирована своей целью и условиями осуществления.

Свободная же деятельность определяется тем, что она детерминирована только волей и желанием действующего субъекта и предполагает творчество, самовыражение. Свобода определяется выбором цели, средств и условий деятельности. Соответственно, она не может быть ими детерминирована, а значит, она иррациональна. Но этот отход от установленных стандартов рациональности может быть вполне плодотворным: если свободная деятельность достигает своей цели, она может стать тем опытом, на основе которого будет установлен новый стандарт рациональности. С этого момента подобная деятельность осуществляется уже в соответствии с рациональными соображениями и не является свободной. Таким образом, свобода может быть рационализирована, а человек способен вновь и вновь ломать и раздвигать в своём творчестве рамки рациональности.

3. Общество и научно-технический прогресс⁹

Итак, знание оказывается у А.Л. Никифорова своего рода нейтральным явлением – результатом свободной деятельности субъекта, не зависящим от своих последствий и целей, но удовлетворяющим внутреннюю, ни от чего не зависящую потреб-

⁸ Никифоров А.Л. Рациональность и свобода // Рациональность как предмет философского исследования / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М., 1995. С. 171–186.

⁹ Никифоров А.Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. № 3. С. 20–29.

ность. Однако динамика научного знания зависит от общества: как социум влияет на развитие научного знания, так и последнее во многом определяет и конституирует социальные отношения.

В серии поздних статей А.Л. Никифоров обращает внимание на современное состояние науки, которая, на его взгляд, заметно ушла от своего изначального призвания. Наука Нового времени двигалась благодаря любознательности отдельных энтузиастов, тративших свои собственные ресурсы на научное открытие. Их интересовало открытие истины об окружающем мире как таковом. Принципиально здесь то обстоятельство, что вопросы техники интересовали их лишь в силу необходимости – только тогда, когда условия эксперимента требовали нового оборудования.

Но в XIX в. наука начинает приносить всё большие практические плоды. Научные открытия помогают заметно улучшить жизнь людей и помочь в решении множества практических задач. С этого момента государство и крупный бизнес начинают особо интересоваться наукой – она активно включается в капиталистическую систему. Это приводит к целому ряду последствий: знание становится товаром, а учёные становятся всё более зависимы от внешнего финансирования, возрастает стоимость фундаментальных исследований, всё больше требуется узкая специализация научных кадров – учёный постепенно превращается в ремесленника, выполняющего механическую работу и не имеющего представления о соседних научных областях; прикладная ценность начинает определять направление научных исследований. В конце концов научное открытие замещается научным изобретением, а разделение на фундаментальную и прикладную науку превращается в гибридную технонауку.

Как результат, во второй половине XX в. мы практически не имеем крупных научных открытий, а общество деградирует, т.к. наука перестаёт быть фактором духовного развития, служа лишь обеспечением удовлетворения биологических потребностей человека. Но для позиции А.Л. Никифорова тем не менее была характерна надежда на то, что, осознав культурный кризис, порождаемый этой гонкой, человечество придёт к необходимости создания новой науки, в центре внимания которой будет человек. И философия в этой науке призвана, по его мнению, играть важнейшую роль.

Скрытая сложность понятия «прогресс»¹⁰

Зачастую прогресс воспринимают как понятие, обладающее предметным значением, просто фиксирующим положение дел. Но, с точки зрения А.Л. Никифорова, оно обладает и оценочной нагрузкой. Он утверждает, что прогрессом можно считать только изменения, затрагивающие самоидентификацию объекта, т.е. только те изменения, которые существенно меняют внутренние свойства объекта (к чему не относятся, например, циклические изменения вроде оледенения реки). При этом прогресс есть изменение к лучшему, более совершенному. Однако проблема заключается в том, что прогрессивность изменений устанавливается с точки зрения наблюдателя, а значит, соответственно, и оценка зависит от его предпочтений. Рассматривая различные попытки обнаружить единые для всех народов ценности, Никифоров приходит к выводу, что подобные проекты завершились провалом: единые ценности вывести невозможно, а значит, и единую точку зрения на прогресс – тоже.

С его точки зрения, в таком случае единственным и при этом оптимальным оказывается только максимально общее понимание прогресса. Возникновение жизни можно считать переходом Вселенной к более высокому состоянию,

---

¹⁰ Никифоров А.Л. О смысле и значении понятия «прогресс» // Цифровой учёный: лаборатория философа. № 2. 2021. С. 6–16.

а возникновение разума – её переходом на ещё более высшую ступень: разум преобразует окружающую материю, внося в неё мысль, и следующим этапом должно стать упорядочивание всей материи по законам разума, упорядочивание, направленное на достижение конечной цели – возникновение одухотворённого космоса, в котором материя соединена с жизнью и разумом.

Будущее человечества – между физическим вымиранием и утратой человечности¹¹

А.Л. Никифоров полагал, что практически все имеющиеся футурологические концепции, в сущности, пессимистичны. В концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, идеализирующей либеральную демократию, он видит образ, лишённый каких-либо высоких стремлений: в случае тотальной победы либеральной демократии в нынешнем изводе человечество замкнётся лишь на потребительских проблемах, карьеризме и конкуренции. Наивным, с его точки зрения, выглядит и европоцентризм Фукуямы. В 47-м докладе Римского клуба звучало в свою очередь опровержение оптимизма Фукуямы, полагающего, что наступил конец истории. Члены клуба полагали, что именно капиталистическая идеология потребления привела планету к экологической катастрофе, грозящей человечеству вымиранием. Однако А.Л. Никифоров скептически воспринимал призывы к новому «просвещению» общества, полагая, что в нынешних обстоятельствах это уже невозможно.

Неоднозначно оценивается им и концепция трансгуманистов: с одной стороны, последние осознают моральную деградацию общества и предлагают объединить его новой возвышенной целью преодоления ограничений естественного биологического тела; с другой стороны, такая цель является для Никифорова неудовлетворительной, поскольку с утратой тела человек лишится значительной части всего того, что делает его таковым – дружбы, любви, переживаний и т.д.

Не менее мрачен, по мнению А.Л. Никифорова, и тот вариант будущего, который рисует Ю. Харари. Развивая идеи Д. Сасскинда и трансгуманистов, Харари полагал, что с вытеснением человека из сферы труда у него появится возможность заняться вопросами спасения от старости, болезней и смерти, достижения счастья. Первые три проблемы, по Харари, человек решит при помощи био- и киборг-инженерии, став неорганическим существом. Проблему же счастья мыслитель предлагает решить повсеместным использованием психотропных веществ. Однако А.Л. Никифоров крайне скептичен к подобной перспективе, полагая, что био- и киборг-индустрии будут доступны только малочисленным группам состоятельных людей.

Свой путь решения проблем человечества А.Л. Никифоров видит в следующем: нам необходимо отказаться от капитализма и либерализма, найти иные решения, создающие условия для реализации идеи социальной справедливости. Должны быть найдены коллективистские, или «системные» идеологические формулы, определяющие высшей ценностью общество, стоящее выше индивида, а также новый идеал, подобный коммунистическому или христианскому – новый образ утопии, который будет стимулировать людей к возвышению над своей животной природой.

¹¹ Никифоров А.Л. Какое будущее ждёт человечество? // *Философский журнал*. 2021. Т. 14. № 3. С. 82–95; Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2023. № 1. С. 123–137.

Противоречия либерализма¹²

Признавая значение либеральной идеологии в борьбе с сословными ограничениями, за свободу совести, за становление рыночных отношений – А.Л. Никифоров уделял немало сил и времени критике либерализма, важнейшим представителем которого считал Дж. Ролза.

Анализируя концепцию последнего, он делает вывод, что субъект либерализма – предельно абстрактный индивид, не существующий в действительности, т.к. все люди являются носителями определённой национальности, культуры, религии, привычек и норм поведения. Индивид в понимании Ролза оказывается, по мнению Никифорова, атомом в пустом бесконтекстуальном пространстве, его единственная идентичность – биологическая природа. И здесь либерализм, с его точки зрения, подрывает самого себя: животный организм, определяясь лишь давлением биологических инстинктов, не свободен, т.к. свободу субъект обретает исключительно посредством разума и культуры.

Не менее критичен А.Л. Никифоров и в отношении доктрины экономического либерализма, утверждающего в качестве основополагающей ценности свободные рыночные отношения. Однако абсолютизация свободной конкуренции приводит, по его мнению, к тому, что в жертву приносится благосостояние неконкурентоспособных граждан и действительная эффективность использования ресурсов. Экономический либерализм существует, по мнению А.Л. Никифорова, с одной единственной целью – безусловной апологии капитализма.

Наиболее пагубен и противоречив либерализм в одной из самых главных декларируемых им ценностей – равенстве: либерализм признаёт не декларируемое равенство возможностей, а скорее равенство в возможности стремиться к своей цели, равенство права пользования предоставленными возможностями. Однако господство частной собственности и институт наследования создают условия непреодолимого различия стартовых условий, при котором всё остальное оказывается пустыми декларациями.

4. Битва за историческую память и роль в ней гуманитарных наук¹³

С точки зрения Никифорова, для любого человека жизненно важно творческое самовыражение, а одним из важных составляющих личности оказывается национальная идентичность, во многом связанная именно с исторической памятью. В расхожих подходах к определению нации его не устраивает ни положение о том, что она есть гражданская общность, в которой малозначима этническая составляющая, ни попытки заменить гражданский «критерий» национального объединения на идеологический – утверждение, что нация определяется единым преданием, религией, мифом. Для самого А.Л. Никифорова ключевой признак нации – язык и культура. Полагая, что в возникновении русской нации важнейшую роль сыграло государство и православное христианство, ключевым механизмом формирования национальной идентичности он считал историческую память.

Память сама по себе является основой личности человека, в случае потери которой человек лишается жизненной цели, приоритетов, ценностей и опыта. Историческая же память передаёт из поколения в поколение восприятие событий прошлого, а именно опыт переживания событий современниками, оценку тех событий,

¹² Никифоров А.Л. Индивид либерализма и его мораль // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. XVIII. Вып. 1-2. С. 161-177.

¹³ Никифоров А.Л. Историческая память и наука история. М., 2021.

в том числе и эмоциональную. С другой стороны, необходимо учитывать, что историческая память формируется официальными историческими учебниками, художественной литературой, кинематографом, СМИ и мемориальными практиками. Она избирательно акцентирует внимание на наиболее значимых событиях, начинающих играть символическую роль, формирует и транслирует представления о нравственном, должном, героическом.

По мнению А.Л. Никифорова, сегодня наблюдается целенаправленная, идеологически и политически ангажированная работа по разрушению исторической памяти. Издаётся много книг и статей, развенчивающих величие исторического прошлого России, дискредитирующих выдающихся российских государственных деятелей, обесценивающих её исторические успехи. С одной стороны, это естественное следствие давления капитализма: СМИ в своих «ниспровержениях» гонятся за сенсацией. С другой стороны, искажение истории, с его точки зрения, происходит сознательно, в рамках идеологической борьбы, направленной на разрушение идентичности русского народа, лишение страны исторической самодостаточности, превознесение западных ценностей и достижений.

Разумеется, нет ничего необычного и не должного в том, что по поводу тех или иных исторических феноменов и событий существует разнообразие мнений – таково свойство гуманитарной науки. Но научным это разнообразие можно считать только тогда, когда эти мнения подкреплены беспристрастной аргументацией, чего зачастую принципиально не хватает современным идеологизированным позициям.

В силу этого чрезвычайно важной оказывается рефлексия над методологией исторического исследования. С одной стороны, историк действительно стремится достичь обоснованного истинного описания последовательности событий. С другой стороны, он должен отдавать себе отчёт в собственной ценностной перспективе, а также в том, что идеалы и ценности людей прошлого отличны от его собственных. Специфика не только исторического, но и гуманитарного знания в целом определяется тем, что факт в гуманитарном знании – это всегда интерпретация. Мотивы, цели агентов истории, а не «физическая», объективная реальность исторического процесса, заключающаяся в «перемещении» объектов (событий) во времени и пространстве, – вот что оказывается интересным историку. Эта специфика не может не влиять на процесс восприятия учёными исторического: если естественно-научные факты всегда теоретически нагружены, то исторические факты принимают на себя ещё и идеологическую нагрузку интерпретаций и оценок исследователя.

Сам отбор фактов происходит в несколько этапов. В первую очередь отсеиваются факты, не имеющие непосредственного значения для рассматриваемой проблемы, даже если они наличествовали в описываемых исторических обстоятельствах. Затем отбираются именно те факты, которые имели историческое значение. Историк прислушивается к оценкам события современниками, однако прежде всего он руководствуется своей перспективой – иными словами, на каждом этапе отбора и оценке фактов фундаментальное влияние оказывают идеологические предпочтения самого субъекта осуществляемого отбора.

Если для естественных наук первостепенное значение имеет объяснение природных явлений, то историческая наука останавливается на описании событий. Однако проблема, по мнению Никифорова, заключается в том, что в исторических и общественных науках на самом деле нет чёткой границы между описанием и объяснением: описание необходимо включает в себя интерпретацию, придание смысла.

По этой причине необходимо различать истину в естественных науках и истину в науках исторических, и сам А.Л. Никифоров предлагает именовать «гуманитарный»

вариант истины правдой, а одним из её ключевых свойств считает когерентность, т.е. согласованность и соответствие всем имеющимся историческим источникам. При этом он вполне допускает возможность формулирования нескольких правдивых концепций на одном и том же материале. При этом историческая наука здесь не уникальна: например, в литературоведении наличие нескольких интерпретаций художественного произведения, каждая из которых хорошо согласуется с имеющимися данными, совсем не редкость.

5. Критика¹⁴

Важную роль в наследии А.Л. Никифорова играет критика: полемика, рецензии, обзоры, выступления на круглых столах представляют значительную часть его творческого пути. Несмотря на некоторый, так сказать, служебный характер подобного рода сочинений, они обладали для автора самостоятельной ценностью, позволяя точнее определить свою собственную позицию. В качестве примера рассмотрим критику А.Л. Никифоровым «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна.

С его точки зрения, «Трактат» написан достаточно невнятным языком, что и стало причиной возникновения множества интерпретаций. Существенной проблемой работы Л. Витгенштейна является и то, что автор фактически не обосновывает свои тезисы, а лишь догматически их провозглашает. По мнению Никифорова, Витгенштейн создал метафизику, фактически онтологизировав пропозициональную логику. Таким образом, он учредил довольно примитивную онтологию, поскольку пропозициональная логика неприменима к сложному многообразию мира и требует существенного расширения.

Множество понятий Витгенштейна вызывают вопросы в силу их неясности и противоречивости – таковы, например: «логическое пространство»; «логическая форма» предмета; понимание знания как знания логической формы. Совершенно лишено смысла у него, по мнению А.Л. Никифорова, и понятие факта, т.к. в него можно вместить всё, что угодно. Не соответствует реальности и используемое Витгенштейном понятие образа: не все образы можно соотнести с реальностью, как того требует автор «Логико-философского трактата», что не лишает их истинности. Неясно и выражение «логика нашего языка», в котором все члены имеют множество коннотаций, не проясняемых австрийским философом. Сомнительно и принимаемое им без доказательств утверждение, будто классическая логика высказываний отражает мир как таковой.

Критикуется им и определение свойства «возможности» через мыслимость предмета, ибо эти области не совпадают, и одна шире другой. Отвержение Витгенштейном понятия как формы мысли, утверждение, что конфигурация элементов предложения повторяет конфигурацию элементов ситуации, – всё это, с точки зрения А.Л. Никифорова, легко опровергает наш непосредственный опыт. Не кажется ему обоснованным и объявление бессмысленными многообразия вопросов, на протяжении всей истории волнующих мыслителей самых различных культур и эпох.

При этом А.Л. Никифоров отрицает существенное влияние «Трактата» на развитие логики и философии: с его точки зрения, статус непререкаемого авторитета австрийский философ получил только в рамках одного «расплывчатого» направления философской мысли – аналитической философии, да и то на это повлияла скорее энергия личности автора, а не его мысль.

¹⁴ Никифоров А.Л. Не всё то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

6. О том, что непосредственно касается каждого¹⁵

С годами А.Л. Никифорова всё больше начинает занимать проблема смысла жизни. Анализируя структуру человеческой активности, он выделяет два его аспекта – деятельность и поведение. Деятельность подразумевает целенаправленную активность, продуманность средств достижения цели, всегда состоит из более простых операций, безлична (т.е. независима от личностных качеств исполняющего) и имеет результат. Поведение целесообразно, но не целенаправленно, подвижно инстинктами, и им руководит не цель, как в сознательной деятельности, а ситуация. Но и поведение имеет личностный характер, оно уникально для каждого отдельного человека. При этом деятельность и поведение – два аспекта реальной активности. Именно поэтому активность является творчеством, т.к. любому своему акту – как деятельности, так и поведенческому – можно придать личностный, уникальный характер.

Смысл деятельности, по его мнению, подразделяется на три типа. Субъективный смысл деятельности определяется как набор интенций действующего субъекта, т.е. деятельность осмысленна в той мере, в какой она приближает субъекта к поставленной цели. Объективный же смысл является всей сетью причинно-следственных взаимосвязей, порождаемых деятельностью и потенциально способных быть её интенцией. Социальный смысл включает в себя всю совокупность её социальных следствий, разворачивающихся во времени.

Иными словами, деятельность человека состоит из элементарных атомарных интенций. Однако существует одна глубоко сокровенная цель, которая подчиняет себе всю жизнедеятельность человека в совокупности её противоречивых интенций. Её Никифоров называет «витальной интенцией», которая и есть субъективный смысл жизни человека. Правда, эта витальная интенция может сменять свой вектор в разные этапы жизни человека.

Вместе с тем А.Л. Никифоров полагает, что дать универсальный содержательный ответ на вопрос, в чём заключается смысл жизни, невозможно, т.к. в значительной степени это не теоретический, но эмпирический вопрос, и ответ на него зависит от конкретной эпохи и культурного контекста. Пытаясь, однако, обобщить возможные ответы, А.Л. Никифоров предполагает, что все они тяготеют к интенциям двух типов – потреблению или творчеству.

С его точки зрения, очевидно, что невозможно найти субъективный смысл, который подойдет всем индивидуальным жизням. Однако возможно установление наиболее общей надчеловеческой ценности. Он замечает, что смысл многолетней эволюции Вселенной можно увидеть в появлении жизни. Особым свойством жизни является преобразование окружающей среды и превращение её в одну из своих структур – преобразование всей косной материи в жизнь; включение всей материи в участие в жизнедеятельности можно понимать как смысл космической эволюции.

Эта надчеловеческая ценность позволяет иначе взглянуть и на проблему смерти. С одной стороны, Никифоров критикует мнение, согласно которому смысл лежит в достижении некой абсолютной цели вне самой жизни: по его мнению, такой тезис вступает в противоречие с принципом, запрещающим видеть в человеке средство, но только цель. Необходимо, чтобы цель человеческой жизни лежала в ней самой, и это позволяет согласовать жизнь как надчеловеческую ценность и жизнь как ценность конкретно-личностную. И высшим призванием человека оказывается творческое самовыражение: именно творчество способно превратить относительно короткую жизнь индивида в самостоятельную ценность, наполнить её смыслом.

¹⁵ Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М., 2012.

Заключение

А.Л. Никифорова не интересовали второстепенные вопросы, касающиеся узких областей и частных проблем. Его усилия и таланты были направлены на решение самых фундаментальных вопросов: природа философского знания, его значение и функция, проблема истины, методология гуманитарного познания, цель науки, кризис человеческой цивилизации и пути его преодоления, смысл жизни.

Весь творческий путь Александра Леонидовича Никифорова был посвящён искреннему поиску истины. Ему были чужды академическое честолюбие и тщеславие, стремление произвести впечатление на читателя или слушателя, пиетет перед авторитетами или желание стать таковым. Все его произведения пронизаны только этим единым ориентиром, а его лекции, на которых выросло не одно поколение студентов, неизменно представляли собой честный и личный разговор о собственных поисках истины, о том, что его волновало на этом пути.

Список литературы

Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. № 3. 2009. С. 61–63.

Никифоров А.Л. «Вечная» проблема философии // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / Под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 340–343.

Никифоров А.Л. Индивид либерализма и его мораль // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. XVIII. Вып. 1–2 (89–90). С. 161–177.

Никифоров А.Л. Историческая память и наука история. М.: ГАУГН-Пресс, 2021. 132 с.

Никифоров А.Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 123–137.

Никифоров А.Л. Какое будущее ждёт человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 82–95.

Никифоров А.Л. Можно ли говорить о трансцендентном? // Эпистемология и философия науки. 2016. № 4. С. 98–101.

Никифоров А.Л. Не всё то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

Никифоров А.Л. О некоторых проблемах логической семантики // Эпистемология и философия науки. № 2. 2011. С. 97–109.

Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имён собственных // Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. С. 50–58.

Никифоров А.Л. О смысле и значении понятия «прогресс» // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2021. № 2. С. 6–16.

Никифоров А.Л. Рациональность и свобода // Рациональность как предмет философского исследования / Отв. ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев. М.: ИФРАН, 1995. С. 171–186.

Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 72–94.

Никифоров А.Л. Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество. № 4. 2010. С. 265–276.

Никифоров А.Л. Структура и смысл жизненного мира человека. М.: Альфа-М, 2012. 169 с.

Никифоров А.Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. № 3. С. 20–29.

Никифоров А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 76–83.

Никифоров А.Л. Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 179–187.

Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.

Никифоров А.Л. Является ли «аналитическая философия» философией? // *Философские науки*. 2020. № 8. С. 7–21.

Никифоров А.Л. Язык и картина мира // *Эпистемология и философия науки*. 2015. № 4. С. 19–27.

Life as a Search. In Memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023)

Alexander M. Zharov – postgraduate student. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

The article provides an overview of the creative heritage of Alexander Leonidovich Nikiforov, an attempt is made to comprehend it in an integral way. The main purpose of the author of this article is the exposition of the philosopher's views on key theoretical issues. Each section of the article is based on the reference material, which, in the author's opinion, most successfully demonstrates the position of A.L. Nikiforov on indicated issues. In particular, his views on the nature of philosophical knowledge and the problem of the relationship between philosophy and science are presented. His criticism of the traditional semantic theory that defines the meaning of a word through a single referent in the physical world is analyzed, as well as his proposed concept of a proper name as a common sign carrying informative and communicative functions: the sign is a complex structure consisting of physical, cultural and personal layers. A.L. Nikiforov's ideas about the historical development of science and, in general, about the future development of mankind are revealed. His political reflections are outlined as well – his critics of liberal ideology for the reduction of human needs and an abstract idea of the individual. Nikiforov pays special attention to the importance of preserving historical memory and the need to counter destructive trends in this area. Special attention is paid to his point of view on the methodology of the humanities, which by their very nature are characterized by an orientation towards secondary interpretation and subjectivity. His criticism of the L. Wittgenstein's "Logical and Philosophical Treatise" and reflections on the problem of the meaning of life, which he sees in the creative self-realization of a person, are outlined as well.

Keywords: A.L. Nikiforov, scientific knowledge, metaphilosophy, meaning of life, semantic theory

For citation: Zharov, A.M. Zhizn' kak poisk. Pamyati Aleksandra Leonidovicha Nikiforova (1940–2023) [Life as a Search. In Memory of Alexander Leonidovich Nikiforov (1940–2023)], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 37–53. (In Russian)

References

Nikiforov, A.L. Analiz ponyatiya "znanie": podhody i problemy [Analysis of the Concept of "Knowledge": Approaches and Problems], *Epistemology and philosophy of Science*, 2009, No. 3, pp. 61–63. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni? [What Has the Science of Modern Times Given to Mankind?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2018, No. 42, pp. 179–187. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Filosofiya nauki: V.I. Lenin i Je. Mah [Philosophy of Science: V.I. Lenin and E. Mach], *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2010, No. 1, pp. 76–83. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Individ liberalizma i ego moral' [The Individual of Liberalism and its Morality], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2016. Vol. XVIII. Issue. 1–2 (89–90), pp. 161–177. (In Russian)

Nikiforov, A.L. *Istoricheskaya pamjat' i nauka istoriya* [Historical Memory and the Science of History]. Moscow: GAUGN-Press, 2021. 132 p. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Kakoe budushchee gotovit chelovechestvu nauchno-tehnicheskii progress? [What Future is Scientific and Technological Progress Preparing for Humanity?], *Vestnik Rossiiskogo univer-*

siteta družby narodov. Seriya: *Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2023, No. 1, pp. 123–137. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Kakoe budushchee zhdet chelovechestvo? [What Future Awaits Humanity?], *Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 82–95. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Mozhno li govorit' o transtsendentnom? [Is it Possible to Talk About the Transcendent?], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2016, No. 4, pp. 98–101. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Ne vse to zoloto, chto blesit ("Logiko-filosofskij traktat L. Wittgensteina") [Not All that Glitters is Gold (L. Wittgenstein's "Logical and Philosophical Treatise")], *Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 1, pp. 160–172. (In Russian)

Nikiforov, A.L. O nekotoryh problemah logicheskoi semantiki [On Some Problems of Logical Semantics], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2011, No. 2, pp. 97–109. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Ontologicheskii status referentov imen sobstvennykh [Ontological Status of Referents of Proper Names], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2012, No. 2, pp. 50–58. (In Russian)

Nikiforov, A.L. O smysle i znachenii ponyatija "progress" [On the Meaning and Significance of the Concept of "Progress"], *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriya filosafo* [Digital Scientist: the Philosopher's Laboratory], 2010, No. 2, pp. 6–16. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Racional'nost' i svoboda [Rationality and Freedom], in: *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a Subject of Philosophical Research], red. B.I. Pruzhinin, V.S. Shvyrev. Moscow: IPhRAN, 1995, pp. 171–186. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Semanticheskaya kontseptsiya ponimaniya [Semantic Concept of Understanding], in: *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya* [The Riddle of Human Understanding], red. A.A. Jakovlev. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 72–94. (In Russian)

Nikiforov, A.L. *Struktura i smysl zhiznennogo mira cheloveka* [The Structure and Meaning of the Human Life World]. Moscow: Al'fa-M, 2012. 169 p. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Stili filosofskogo myshleniya [Styles of Philosophical Thinking], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2010, No. 4, pp. 265–276. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Transformatsiya nauki v XX v.: ot poiska istiny k sovershenstvovaniyu tehniki [Transformation of Science in the Twentieth Century: from the Search for Truth to the Improvement of Technology], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2019, No. 3, pp. 20–29. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Yavlyaetsya li filosofiya naukoj? [Is Philosophy a Science?], *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1989, No. 6, pp. 52–62. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Yavljaetsya li "analiticheskaya filosofiya" filosofiej? [Is "Analytical Philosophy" a Philosophy?], *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2020, No. 8, pp. 7–21. (In Russian)

Nikiforov, A.L. Yazyk i kartina mira [Language and the picture of the world], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, No. 4, pp. 19–27. (In Russian)

Nikiforov, A.L. "Vechnaja" problema filosofii ["Eternal" Problem of Philosophy], in: *Russkij marksizm: Georgii Valentinovich Plehanov, Vladimir Il'ich Ul'yanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)], pod red. A.V. Buzgalina, B.I. Pruzhinina. Moscow: ROSSPEN, 2013, pp. 340–343. (In Russian)